

## Литература Новгорода XIV—XV вв.

### Введение

**Т**евтонский рыцарь Гильбер де-Ланнуа, посетивший Новгород в начале XV в., называет его «удивительно большим городом» и отмечает силу и богатство новгородского боярства. Могущественное новгородское боярство, бывшее, до поры до времени, основной силой в политической жизни Великого Новгорода, встречает в конце XIV — начале XV в. сильное сопротивление городской бедноты. Обострение классовой борьбы достигает крайнего предела.

Взаимоотношения Новгорода с растущим Московским княжеством вступают в новую фазу. Политическая слабость Новгорода, продажное вече, ставшее еще в XIV в. функцией народоправства, сильные антидемократические и антинародные тенденции боярской олигархии, наконец, не-популярная западная ориентация боярской партии на шляхетную Литву и Польшу, растущие противоречия внутри самого боярства — все это предрешало исход борьбы с Москвой, политический авторитет которой в демократических слоях русского населения неуклонно рос.

Новгород все более и более становился в русской жизни реакционной силой, стоявшей на путях московской торговли с Западом и сопротивлявшейся объединительной политике московского великого князя. Новгородское ушкуйничество, выродившееся в обычный разбой, нарушило московскую торговлю на севере и северо-востоке, неспокойная новгородская политика грозила постоянными неожиданностями Москве.

Конец XIV в. характеризуется крайним обострением борьбы Москвы с Новгородом. Размирье было особенно резким в 90-х годах XIV в., в связи с отказом новгородцев выезжать на суд к московскому митрополиту. По старому, испытанному еще в XII в. пути, новгородцы посыпали послов с жалобой в Константинополь, угрожали Москве переходом в латинство, клялись на вече не судиться у митрополита. Только после того как войска великого князя захватили Торжок и начали опустошать новгородские волости, — новгородцы изъявили покорность.

Можно думать, что именно с конца XIV в. особенно усилилось значение светской власти новгородского владыки как председателя совета господ. Владыка — полновластный хозяин новгородского детинца, обладатель собственного войска («владычного полка»), своего двора, богатейшей казны и т. д. Москва стремится использовать церковное подчинение новгородского владыки — главы новгородской церкви и новгородской госу-

дарственности — московскому митрополиту. Вот почему новгородская церковь и новгородское боярство всячески пытаются избежать этого подчинения и враждебно относятся к московской церкви.

Новый перевес в сторону Новгорода, сильно затянувший приближавшуюся развязку, дало новгородцам замешательство в церковных делах первой половины XV в. Образование двух митрополий — Московской и Киевской — позволило Новгороду вести двойную политику и постоянно добиваться от Москвы уступок угрозами подчиниться киевскому митрополиту. С этой поры церковный вопрос в Новгороде приобретает первостепенное политическое значение.

Пользуясь смутою в церковных делах, архиепископ Евфимий II получает поставление в Смоленске у киевского митрополита Герасима, и это дает Новгороду независимость от московской церкви. В Новгороде приобретают сильное значение антимосковские настроения. Евфимий II активно способствует западному влиянию и оказывает покровительство иностранцам. Показательно для новгородской политики этого времени, что в Новгороде один за другим ищут убежища противники московского великого князя — Дмитрий Шемяка и Василий Гребенка.

Однако в самом Новгороде были многочисленные слои населения и, прежде всего, демократические низы, которые стремились положить конец феодальному беспорядку в жизни родного города и тяготели к сильной великокняжеской власти, несшей конец боярским смутам и раздорам, опустошившим страну. В разное время сторонники подчинения Москве (то более умеренные, то более прямолинейные) находили себе в Новгороде путь к власти, но в полной мере ни партия новгородских сепаратистов (так называемая «литовская»), ни партия сторонников Москвы не смогли возобладать на зыбкой почве новгородского «народоправства».

Некоторый перелом в сторону Москвы начался при том же архиепископе Евфимии II. Сам Евфимий II перед смертью посыпал в Москву просить у митрополита «прощальной грамоты». Со смертью Евфимия избранный на архиепископство Иона был поставлен уже московским митрополитом. Иона вел умеренную и дружелюбную к Москве политику, стремился примирить новгородцев с Москвой, вводил культ московских святых в Новгороде (Сергия Радонежского, митрополита Петра) и т. д. При Ионе великий князь Василий Васильевич два месяца прожил гостем в Новгороде, хотя новгородцы во все время великокняжеского «гощения» «ходиша в стороже». Политика Ионы еще на несколько лет отсрочила роковую развязку. По выражению Ф. И. Буслаева, «это была необычная, напряженная тишина, предвещавшая последнюю грозу, разразившуюся над Новгородом»<sup>1</sup>.



Тяжелое политическое положение Новгорода в конце XIV в. привело к упадку строительного искусства. Блестящий в истории новгородского искусства XIV век — время создания новых форм архитектуры, фресок, орнамента, сменяется периодом эклектизма и подражательности. В архитектуре новгородцы либо воспроизводят традиционный, выработанный еще в середине XIV в. тип храма, либо подражают Западу, либо пытаются возродить формы зодчества еще XII в.

В последней четверти XIV в. в Новгороде создается ряд церквей.

<sup>1</sup> Летописи русской литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, стр. 88.

в общем повторяющих тип Федора Стратилата и Спаса на Ильине, но более тяжелых и упрощенных. Общее огрубение новгородской архитектуры заметно сказывается и в начале XV в. Упадок строительной техники привел к необходимости перестраивать впоследствии воздвигнутые в этот период здания.

Во второй четверти XV в. начинается лихорадочная и неспокойная строительная деятельность архиепископа Евфимия II, который обстраивает новыми зданиями владычный двор детинца, строит на Софийской и Торговой стороне, строит в Старой Руссе, в Вяжищах, в Хутыне и др. Эпохе Евфимия принадлежат здания светского назначения, здания промышленного характера, церкви и правительственные палаты.

Строительное искусство времени Евфимия II отличается разнообразием архитектурных форм и отсутствием установившихся вкусов и принципов. Под 1433 г. летопись рассказывает, что «в Великом Новгороде владыка Евфимий поставил на дворе у себя палату каменну, а дверей в ней тридцать, а мастера ставили новгородские и немецкие из-за моря». Приглашение мастеров «из-за моря» — факт примечательный. Очевидно, оскудение строительного искусства в Новгороде в конце XIV — начале XV в. было настолько сильным, что нехватало своих опытных мастеров, и для возрождения строительной деятельности требовалось привлечение заморских специалистов. Воздвигнутая Евфимием II палата (в которой заседал затем совет господ) представляла собой готическое по своей внутренней разделке сводчатое здание «одностолпного» типа.

Через несколько лет после одностолпной (или, как ее впоследствии называли, «грановитой») палаты Евфимий II, также с помощью иноземных мастеров, ставит «комнатку малу», а затем (1436) — своеобразную «ратушную башню», с часами, оглашавшими боем весь город, — так называемую Евфимиевскую часозвоню. По своему плану и идее часозвоня — вполне западное сооружение, в котором новгородцы сохранили, однако, некоторые свои излюбленные архитектурные приемы: пластичность формы и гладь стены. Возможно, что именно эта часозвоня Евфимия II явилась прототипом Ивана Великого и других колоколен столпообразного типа.

Еще через 3 года после построения часозвони Евфимий II ставит звонницу Софийского собора, тип которой получил затем широкое распространение в Пскове. Звонница эта имеет вид стены со столбами, перекрытыми наверху арками, в пролетах которых висели колокола.

Особое место в строительной деятельности Евфимия II занимает возрождение архитектурных форм XII в., Евфимий II, известный своей антимосковской литовской ориентацией, обращается к прошлому Великого Новгорода, чтобы в нем найти опору насаждаемого им местного патриотизма новгородцев. В этом отношении массовое восстановление Евфимием II старых церквей XII в. должно быть связано с одновременным установлением культа «преждеотшедших» архиепископов, возрождением летописного дела, созданием цикла литературных произведений вокруг первого новгородского архиепископа Иоанна, при котором новгородцы в 1167 г. отбили от стен Новгорода войска северо-восточных княжеств.

Разнообразной строительной деятельностью Евфимия II восхищался Пахомий Серб, в восторженных выражениях описавший выстроенные Евфимием храмы детинца, которые «яко звезды или горы» стоят вокруг Софии.

Пахомий упоминает, между прочим, в числе помощников Евфимия II «некоего инока, казначея, хитра суща и художна к умышлению», который,

возможно, и был настоящим инициатором и осуществителем построек псы Евфимия.

Значительное развитие получило в XV в. новгородское иконное письмо. В иконопись начинают проникать изображение движения и широкие композиции, характерные для фресок XIV в. Проникновение это затруднялось, однако, различием в технике иконного (темперой) и фрескового письма. Чрезвычайно трудная техника темперы с трудом поддавалась каким бы то ни было изменениям.

Три наиболее интересные иконы XV в. — «Власий и Спиридоний», «Молящиеся новгородцы» и «Битва суздальцев с новгородцами» — отличаются типичной для фресок XIV в. многофигурностью композиции и сложностью замысла.

В первой из этих икон изображено стадо скота, которое благословляют сидящие над ним среди скал покровители животных, Власий и Спиридоний. Изображение святых — традиционно, но изображение животных: свиней, похожих на кабанов, коз, коров и овец (фиолетовых, розовых, голубых и т. д.) отличается типичной для фрески свободой композиции и остротой в передаче движений.

Икона «Молящиеся новгородцы» (1465) перенесла в станковую живопись искусство условного портрета, уже знакомого фреске. Боярское семейство, изображенное в нижнем ярусе этой иконы, дает довольно точное представление об одеждах богатых новгородцев.

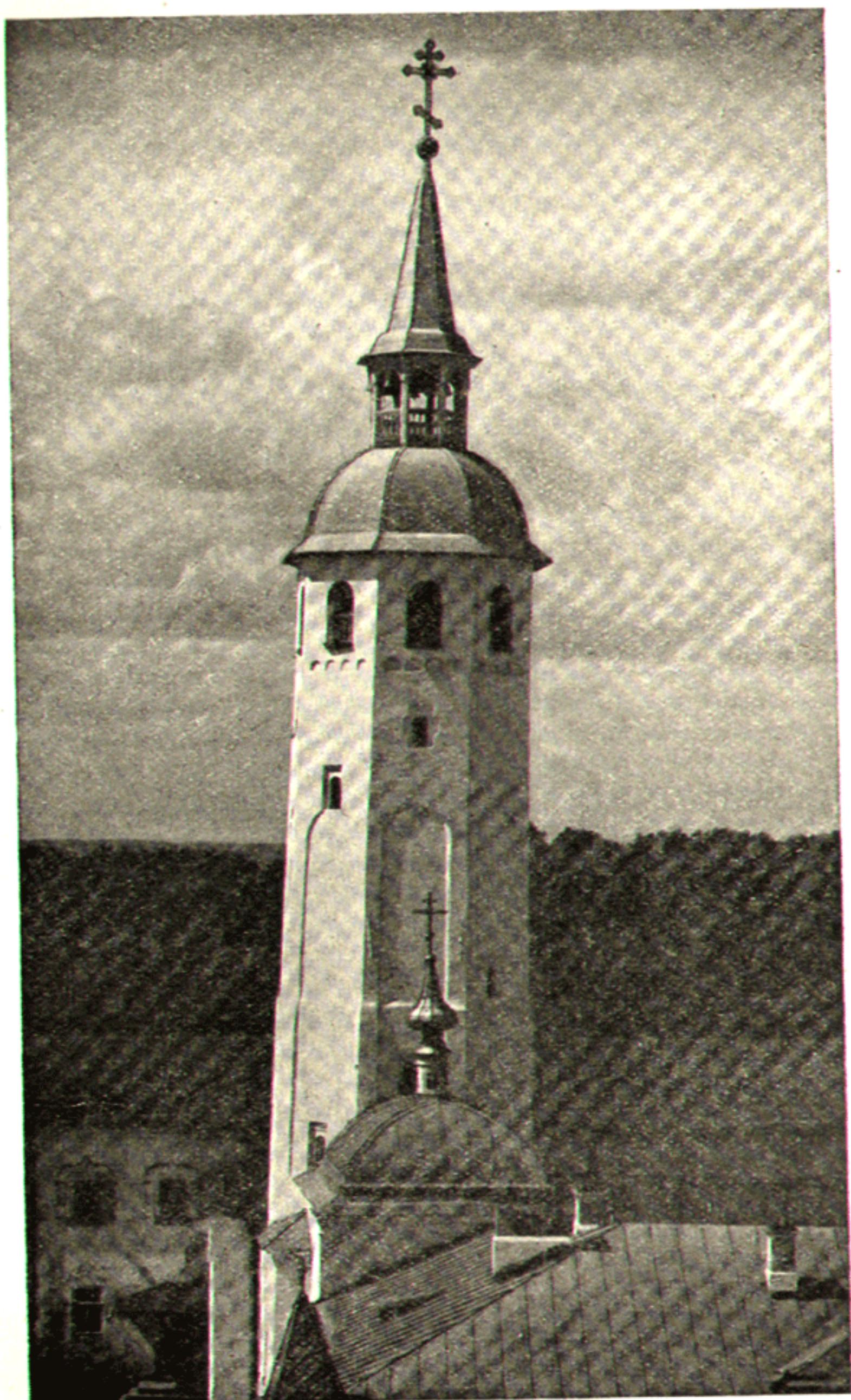
Икона «Битва суздальцев с новгородцами» (1467) написана на популярный при Евфимии II сюжет событий 1167 г. и представляет собою первый образец русской исторической живописи, как бы иллюстрацию к сказанию о чуде от иконы Знамения. В иконе три пояса, каждый из которых представляет собою последовательные моменты сказания. Первый пояс объединяет два момента сказания: взятие иконы Знамения из церкви Спаса и перенесение иконы через Волховской мост на Софийскую сторону. Второй пояс изображает переговоры суздальцев с Новгородцами и начало битвы; третий — битву и поражение суздальцев. Ни один из этих моментов не дан застывшим: ритмичное и непрерывное движение переходит из пояса в пояс, объединяя композицию иконы.

Запоздалое влияние фресковой живописи на икону встретилось в XV в. с обратным, но гораздо более сильным влиянием иконы на фреску. Влияние это было роковым для искусства фрески.

Фрески XV в. (фрагменты росписей церкви Сергия, фрески Зверина монастыря и Гостинополья) стремятся подражать иконе в густоте колорита, мельчат композиции; фрески часто дают поясные изображения, застывшие фигуры. Пропадает характерное для фресок XIV в. умение рассчитывать расстояние, с которого будет обозреваться фреска, умение согласовывать росписи с архитектурными формами здания и т. д. Искусство фрески постепенно клонится к упадку.

## 1. Литература 30-х — 50-х годов XV в.

Как и в предшествующие века, во главе литературных мероприятий XV в. в Новгороде стоит новгородский архиепископ. Политическая тенденциозность литературных произведений XV в., созданных в книжных кружках архиепископского двора, находит себе объяснение в том положении светского властителя — председателя совета господ, которое занимал церковный владыка Новгорода.



24. Евфимиевская часовня, 1443 г., в Новгороде  
(перестроена в 70-х гг. XVII в.).

Во второй четверти XV в. выделяется как энергичный политик, покровитель искусств и письменности — архиепископ Евфимий II (1429—1459).

Евфимий II укрепляет антимосковские и сепаратистские тенденции Новгорода, возрождает интерес к новгородской старине, воскрешает различные предания и легенды, пытается создать свой новгородский цикл святых и организовать свои формы почитания последних. Евфимий II учреждает обряд поминования новгородских князей и святителей, торжественно открывает моши двух новгородских святых: Варлаама Хутынского и архиепископа Иоанна, известного своею борьбою с северо-восточными княжествами. «Такое торжественное восстановление церковных авторитетов священной старины и исторических преданий во всем объеме местных интересов было на Руси, — по верному замечанию Ф. Буслаева, — делом небывалым». Предприятия Евфимия II предварили аналогичные московские начинания XVI в.

В первом ряду этих предприятий Евфимия II стоят грандиозные летописные своды первой половины XV в. Евфимий II деятельно реформирует новгородское летописание, закладывая тем самым основу для исторических и политических притязаний Новгорода.

Около 1432 г. составляется обширный владычный свод — Софийский временник, — в задачу которого входило дать новую историческую концепцию, поставив в центр русской истории — историю Великого Новгорода. Несомненно, что создание Софийского временника должно быть поставлено в связь с составлением нового московского общерусского свода начала XV в., для которого были затребованы из Новгорода местные летописи. Необходимость заменить эти летописи и создать нечто аналогичное московскому своду вызвала в Новгороде конкурирующее предприятие. Московским притязаниям ревниво противопоставлялись новгородские.

Софийский временник получил окончательное оформление под рукой уставщика Софийского двора Матвея Михайлова (он же — Матвей Кусов), сделавшего о себе и о своей семье ряд записей. Для Софийского временника Матвей Михайлов воспользовался имевшимся в Новгороде дефектным экземпляром Начального свода, Синодальным списком и, главным образом, Владычной летописью, погодные записи которой делались беспрерывно в канцелярии новгородского владыки. Последняя использована чрезвычайно широко и почти без всяких сокращений.

Свод отразил в себе все особенности новгородского летописания: его детальность, деловитость, юридический характер некоторых записей, зависимость от языка документов и обилие бытовых подробностей.

Вскоре после составления Софийского временника стал ясен и его основной недостаток, не позволявший ему конкурировать с Московской летописью. В то время как московское летописание было в подлинном смысле этого слова общерусским, объединяло в своем составе известия самых различных областей и освещало историю всего русского народа в целом, — Новгородская летопись, несмотря на свои притязания быть «временником» всей Русской земли с Новгородом во главе, по составу своих известий оставалась все же летописью узко новгородской, и лишь в слабой степени отразила историю других русских областей. Это обстоятельство вызвало необходимость создания при том же архиепископе Евфимии II нового более широкого по своему составу свода.

Видимо, в 1448 г. был создан летописный свод, легший в основание всего последующего новгородского летописания и в сильнейшей степени отразившийся на общерусском летописании. Свод этот, так же как и

Софийский временник, не сохранился в своем первоначальном виде, но состав свода, его характер и целеустремленность ясно восстанавливаются на основании двух позднейших летописей — Новгородской IV и Софийской I, чрезвычайно близких между собой в основной своей части до 1419 г. Отнесение свода точно к 1448 г. сделано А. А. Шахматовым на основании ряда признаков.

Свод 1448 г. был первым новгородским сводом с ярко выраженным общерусским характером. Это далеко уже не та узкая местная летопись, ограниченная в своих интересах, редко выходящая за пределы родного города, какой была Новгородская летопись в предшествующие столетия. Свод 1448 г. интересуется судьбами русского народа в целом, хотя преимущество отдает Новгороду и в нем видит, очевидно, центр событий русской истории. Уже с первых записей свода 1448 г. заметно, что летописец стремится включить в него целиком общерусский свод 1423 г., Новгородскую I и Новгородскую официальную летопись Евфимия II. От последней в своде 1448 г. сохранилось и заглавие «Софийский временник». Новгородские известия отличаются обширностью и редко подвергались сокращениям в своде 1448 г. Не менее полны и общерусские известия, взятые, как утверждает А. А. Шахматов, из Полихрона XV в. и Ростовского владычного свода.

В свод 1448 г. попал ряд обширных и просторных повестей и сказаний, например, о Донском побоище (1380), «О Московском взятии от Тохтамыша» (1382), о битве Витовта с Темир Кутлуем (1398), о тверском епископе Арсении (1409), о смерти Михаила Александровича тверского (1399), о житии и преставлении князя Дмитрия Ивановича (1389) и много других исторических повествований.

Включенные в состав новгородского летописания общерусские летописи наложили отпечаток на все последующие новгородские летописи: последние лишились своих характерных стилистических и идеологических признаков, перестали быть как прежде летописями узко документального, юридического характера, приобрели свободную и широкую манеру связного литературного рассказа, широкий политический горизонт. «Да и сие не забвенно будет в последних родах», — приписывает летописец к одному из известий (1447), ясно определяя этим новую цель своего повествования — сохранить события в памяти потомства.

В результате составления свода 1448 г. Новгород приобрел одну из самых обширных летописей. Свод Евфимия II 1448 г. мог свободно конкурировать с московскими сводами начала XV в. Новгородское летописание было поставлено на такую высоту, что без него не могло уже обходиться ни одно крупное летописное предприятие последующих лет.

В противоположность новгородским летописям XII—XIV вв., нередко оценившим события с точки зрения демократических слоев населения, составитель свода 1448 г. по большей части проявляет себя как представитель интересов владычного двора. Он с осуждением относится к черному люду, к городским волнениям и противопоставляет старое время — новому. В статье 1447 г., заключавшей свод, следующими чертами описывается смута, возникшая в Новгороде из-за денежной реформы Евфимия II: «Тогда бе весь град в сетовании мнози, а голодники [в другом списке «а голоднии»] и ябедники и посульники радовахуся». Впрочем, там же и к боярам прилагается эпитет «бесправдивы».

Описывая народные волнения или неурядицы новгородской жизни, вызванные плохим судом и «неправым поклепом», летописец оглядывается на «соседей», скорбит за своих сограждан, воспринимает усобицы как про-

винность всего новгородского населения и не исключает себя из его числа. «А в то время не бе в Новгороде правде и правого суда, и восташа ябедици, изнарядиша четы и обеты и целование на неправду, и начаша грабити по селам и по волостем и по городу; и беахом в поругание суседам нашим, сущим окрест нас; и бе по волости изъежа велика и боры частыя, клич и рыдание, и вопль и клятва всеми людми на стареишины наша и на град нашъ, зане не бе в нас милости и суда права». Характерно, что летописец как бы принимает на себя упрек за старейшин и признает, что «не бе в нас милости и суда права». Летописец нередко противопоставляет теперешнее время стариине («а прежде того по церквам не искали»).

Сознание трагичности современного летописцу положения его родного города достигло в своде 1448 г. крайней обостренности. Тот скептицизм новгородского летописца, который выражался в XIV в. лишь в сдержанном умалчивании деталей событий, в холодном отказе разобраться, кто прав, в недоверии к народной молве и т. д., — в XV в. достиг крайних пределов развития, переходя в пессимизм и апатию. В летописи усиливается церковный элемент, большое место приобретают правоучения и этические сентенции. Язык летописи становится более церковным, иногда архаичным, а в стиле появляются первые проблески витийства, заставляющие иногда подозревать участие в летописании каких-то югославянских литераторов, возможно даже Пахомия Серба, побывавшего при Евфимии II в Новгороде.

Под 1421 г. словоохотливый летописец так, например, описывает грозу: «в заговение Петрово, полуночи пришедши, еже есть к понедельнику, бысть трус на небеси велик: вшедше туча силна к полудни, испуша гром страшен и млыниа, огнь с небеси блескающи, яко несть мощно человеком видети; и пришедши ста над градом, и убо тученосный облак огнено видение преложися, и в тацех же облацах помышляху людие всяко огневи быти или пламени, пожигая грешники; и убоящаяся людие от страха и ужасошася, вопиаху коиждо: господи помилуй!».

Значительно расширяется лексика летописи. Здесь и немецкие и шведские термины (*мeстeр*, *кумендер*, *шнекa*), итальянские строительные термины (*комната* от *caminata*), западные церковные термины (*легатос*, *каплан*), наконец, сложные образования, навеянные югославянской стилистикой: *громогласный*, *пламеновиден*, *самоизволен*, *тученосный* и др. Появляются необычные, ранее не встречавшиеся в летописи сочетания: *древеса плодовита*, *скорбь пожарная*, *облaci дождевые* и др.

Не всегда, правда, новгородский свод 1448 г. пользовался подобным «плетением глагол» для описания городских событий и явлений природы; нередки случаи, когда в новгородской летописи попрежнему еще присутствует лапидарный и энергичный стиль XII—XIII вв., скучные и деловые записи, простой разговорный язык, близкий к языку грамот и Русской Правды.

Замечательною особенностью новгородского свода 1448 г. было внесение в него особых статей историко-юридического характера. Рассмотрение состава этих статей с полной ясностью указывает и на цель составления свода: поддержать документальными ссылками исторические права Новгорода. В своде 1448 г. был подготовлен документальный материал для отстаивания независимости не только новгородского государства, но и новгородской церковной организации. Состав и характер этих дополнительных статей имеет существенное значение для уяснения новгородской

идеологии XV в. Здесь давались документы, говорившие о независимости церкви от государственных вмешательств, давались и основы новгородской независимости: судная грамота, устав Владимира и Ярослава, Русская Правда.

Свод 1448 г., созданный при владычном дворе новгородского архиепископа Евфимия II, имел огромное значение для всего последующего летописания. Списки его легли в основание двух обширных семей московских и новгородских летописей.

Таким образом, уже в половине XV в., задолго до потери своей самостоятельности, Новгород явился одним из первых центров тех грандиозных обобщающих начинаний, которые предприняло затем Русское государство.

Установлением свода 1448 г. новгородское летописание половины XV в. не ограничилось. Помимо новгородской владычной летописи, составлявшейся в архиепископской канцелярии, имелась так называемая Новгородская I летопись, ведшаяся при церкви Якова в Неревском конце Новгорода, начиная с XII в. Летопись эта велась на основании летописи владычной; кое в чем ее сокращала, а кое в чем и дополняла. Эти-то последние дополнения и делали Новгородскую I летопись весьма ценным самостоятельным источником сведений о новгородской старине.

Вскоре после составления свода 1448 г., но до 1453 г., возникла мысль дополнительно сверить свод 1448 г. с Новгородской I летописью. Новгородская I летопись к середине XV в. достигла уже значительной сложности. В основании ее лежало несколько сводов, включивших в свой состав некоторые местные и общерусские летописи; она была распространена в нескольких списках, один из которых отразился, между прочим, и в тверском летописании. Таким образом, мысль о необходимости дополнительной сверки новгородского свода 1448 г. по Новгородской I была вполне закономерна и своевременна.

К новгородскому своду 1448 г. был добавлен ростовский свод архиепископа Ефрема. Соединение обоих и дополнительная сверка их с Новгородской I дала в промежуток 1448—1453 гг. наиболее полную из новгородских летописей XV в.—основную редакцию Новгородской IV летописи. Две остальные редакции Новгородской IV возникли в разное время позже—в порядке ее дополнения новыми источниками и новыми известиями о событиях последних лет. Обратная проверка и дополнение Новгородской I по своду 1448 г. дали еще один свод, легший в основание Новгородской I летописи младшего извода. Сверка и переработка Новгородской IV по Софийскому временнику дала Новгородскую V летопись.

Таким образом, на протяжении 20 лет правления Евфимия II были составлены один за другим три грандиозных свода и около десяти мелких, каждый из которых проделывал огромную работу для восполнения недостающих сведений. В результате, от середины XV в. мы имеем редкую по своей полноте и документальности Новгородскую IV летопись—основной свод XV в., Новгородскую I младшего извода (в различных списках) и восстанавливаемые на основании разных источников более ранние своды, из которых свод 1448 г. и Софийский временник имели первостепенное значение в русском летописании.<sup>1</sup> Тексты новгородских сводов времени Евфимия II неоднократно использовались в Новгороде для

<sup>1</sup> Мы упоминали Новгородскую IV, Новгородскую V и Новгородскую I летописи. Новгородские II и III летописи относятся к более позднему времени: названия летописей условны.

интенсивной работы над летописями в XV–XVI вв. Вне пределов Новгорода летописание Евфимия отразилось в летописании Москвы, Пскова, Смоленска и др.

Со времени составления *Повести временных лет* работа исторической мысли никогда не была еще так интенсивна. Летописные своды с чрезвычайною последовательностью появлялись один за другим, но самостоятельной новгородской исторической концепции все же не получилось. Содержание новгородских летописей осталось противоречивым. Свод 1448 г. отразил главнейшие противоречия новгородской жизни и в то же время обнаружил противоречие между торжественностью замысла свода и тревожными настроениями его непосредственного исполнителя. В последующих сводах эта черта осталась почти без изменений.



В 1436 г. в церкви Усекновения главы в новгородском Детинце упавший сверху камень пробил «велию скважину», в которой обнаружилось нетленное тело неизвестного святого. Возвестили Евфимию. Евфимий, убедившись в нетленности мощей, начал молить бога: «да явит имя, кто есть». В ту же ночь явился Евфимию архиепископ Иоанн, открылся, что мощи принадлежат ему, и велел праздновать себя каждое 4 октября. Иоанн (1163–1186) — первый официальный новгородский архиепископ; он был известен в Новгороде как владыка, при котором в 1169 г. произошло «чудесное» спасение города от подступивших к нему войск северо-восточных княжеств. Само собой разумеется, что открытые так кстати упавшим камнем мощи Иоанна были торжественно водворены в Софийском соборе, и почитание этого новоявленного святого приобрело формы почти политической демонстрации. Вокруг архиепископа Иоанна и чуда спасения Новгорода от войск суздальцев создается цикл легенд: своего рода культ новгородской независимости.

Основание культа новгородских святых и взвеличивание новгородского прошлого несколько позднее обставлено было и другой легендой. Под 1439 г. летопись сохранила сказание пономаря Аарона. В одну из ночей пономарь Аарон увидел, как в церковь Софии «прежними дверми» (очевидно теми, которыми перестали пользоваться) вошли все «преждеотшедшие» новгородские архиепископы, молились в алтаре и перед иконой Корсунской божьей матери. Пономарь рассказал о своем видении Евфимию, и тот «бысть радостен о таковом явлении», велел служить панихиду по всем новгородским архиепископам, а затем установил и более регулярное чтение своих предшественников.

Выходило так, что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое как бы напоминало о себе, стучалось в плотно запертые двери новгородской независимости. «Преждеотшедшие» архиепископы молились за Новгород, объявляли свои мощи и т. д.

Чем более популярно было ходячее сказание, рассказ, легенда в данной местности, тем иногда труднее было ему проникнуть в письменную литературу средневековья: не было нужды фиксировать и заносить в рукописи то, что было известно всем. Лишь необходимость ввести то или иное сказание в богослужение, в летопись, обработать его литературно могла спасти его от забвения. Вот почему многие новгородские легенды, очевидно, широко бытовавшие в Новгороде в XIV в., а, может быть, и раньше, проникли в письменность только в XV в., когда архиепископ

Евфимий II, желая пропагандировать идею новгородской независимости в широких слоях населения, решил ввести эти легенды в литературу.

Воскрешение новгородской старины необходимо было еще и потому, что силы московской партии в Новгороде росли, и ей нужно было противопоставить свою идеологию.

Покушение на новгородскую независимость и на власть новгородского боярства создавало сопротивление, равное пока еще тому нажиму, который они испытывали извне и изнутри.

Из цикла сказаний, связанных с архиепископом Иоанном, особенный литературный интерес имеет легенда о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим. В повести много бытовых, натуралистических подробностей, сближающих ее по своему типу с рассказами Киево-Печерского патерика, с одной стороны, и с народными сказками — с другой. Особенno характерен в этом отношении первый из эпизодов повести.

Стоя на молитве в своей «ложнице», Иоанн услышал, что в умыльнике, стоявшем неподалеку, кто-то плещется в воде («боробрюща в воде»). Догадавшись, что это бес, Иоанн запер его в нем силою молитвы. Пойманный бес начал «вопети»: «о люте нужде сея! се бо палим есмь огнем: не могу терпети; скоро испусти, святче божий!» Происходит любопытный диалог между пойманным бесом и Иоанном. Иоанн требует, чтобы бес, обернувшись конем, за одну ночь свез его в Иерусалим. Бес обещает, исходит тьмою из сосуда и, обернувшись конем, становится перед кельей святого.

В Иерусалиме Иоанн посещает храм гроба господня. Перед ним сами собой отворяются двери, зажигаются свечи и паникадила. Вернув Иоанна в Новгород, бес просит его никому не рассказывать о происшедшем. Иоанн, однако, не выдержал и однажды, «упражняющуюся в духовной беседе», похвастался, что он знает человека, который за одну ночь успел съездить из Новгорода в Иерусалим и поклониться там гробу господню. С этого момента бес начал наводить на Иоанна искушения. Горожане неоднократно видели выходящую из кельи святого «жену блудницу», в самой келье находили женскую одежду, сандалии, монисто: все это показывал «мечтуя» бес. Народ решил изгнать владыку «яко блудника». Когда толпа собралась у кельи Иоанна, бес выбежал из нее «во образе отроковицы». Ее пытались догнать, но безуспешно. Иоанна вывели к Волхову, посадили на плот и пустили вниз по течению. Однако плот, никем не подталкиваемый, поплыл внезапно вверх по Волхову «противу великие быстрины». Пораженный ужасом и раскаянием, народ шел по берегу за Иоанном и умолял его о прощении. Даже виновник всего — бес — «посрамился» и «возрыдался». Святой, стоя на плоту, молился о прощении обидевших его. Не доплыv немного до Юрьева монастыря, плот остановился, Иоанн вышел и был встречен крестным ходом монахов.

Легенда соткана из целого ряда ходячих мотивов, известных из жизней, народных сказок и патериков. Таковы, например, распространенные мотивы о бесе или бесах, которых святой заставляет на себя работать (например, при построении монастыря), мотив плавания против течения (против течения плывут обычно моши святых, иконы), мотив прибытия святого в монастырь по воде (например, в жизни Антония Римлянина), мотив беса, оборачивающегося животным, женщиной (обычно при искушениях), мотив самоотворяющихся дверей и самозажигающихся свечей при появлении святого в церкви, мотив путешествия на бесе (в сказках, откуда он перекочевал, между прочим, и в «Ночь перед Рождеством» Гоголя), и т. д.

Центральная легенда цикла, связанного с архиепископом Иоанном, легенда о чудесном спасении Новгорода во время осады суздальцев. Наибольшую популярность эта легенда получила в переделках югославянского ритора Пахомия Серба, которого Евфимий II пригласил в Новгород для своих многочисленных литературных начинаний и для создания церковного почитания новых новгородских святых. Пахомий прибыл в Новгород с Афона не ранее 1429 и не позднее 1438 г. Простые и непосредственные новгородские рассказы Пахомий «удобрил» витиеватым красноречием, искусно добиваясь в них ритмической гладкости слога, необходимой для богослужения, и усилил их назидательный смысл.

Легенда о чуде с суздальцами возникла, очевидно, в XIII—XIV в. и проникла в письменность еще до Пахомиевской обработки. Скромный рассказ летописи об отражении в 1169 г. приступа суздальцев, в котором тема чуда еще отсутствовала, был заменен в новгородском своде 1448 г. новым — с особым заголовком «О знамении святей богородицы». Рассказ этот повествует о том, как в Новгороде во время осады его суздальцами оказались лишь «князь Роман молод», владыка Иоанн и посадник Якун. Для отражения приступа вынесли на забрало острога из церкви Спаса на Ильине улице икону Знамения. 3 дня съезжались осаждавшие с осажденными, и на 4 день, 25 февраля, суздальцы «попустиша стрелы, аки дождь умножен на острог». Икона оборотилась лицом на город, спиной к осаждавшим суздальцам, «и паде на них тма на поле, и ослепоша вси». Новгородцы, выйдя из острога против суздальцев, «овых избиша, а другие изымаша, а прок их зде отбегоша». «И продавааху суздалца по две ногате».

Краткий рассказ этот Пахомий Серб дополнил некоторыми, очевидно, устными известиями, а кое в чем развел от себя, воспользовавшись для этого версиями северо-восточных летописей. Летописец-суздалец не знает чуда с иконою Знамения на забрале у Десятинной церкви, но он повествует о том, как в трех церквах на трех иконах заплакала богородица, предвидя наказание от бога за их грехи. Пахомий в своем Похвальном слове Знамению изобразил дело так, что плакала богородица, раненная стрелою суздальцев, а владыка Иоанн собрал слезы ее в свой «мафорий» (омофор). В Слове Пахомия события схематизированы и лишены всяких конкретизирующих деталей, местного и исторического колорита. Поход на Новгород соединенных сил суздальцев, полочан, рязанцев и др. изображен как поход одного великого князя, называемого Пахомием «лютым фараоном», а в сузальском сказании «благоверным» («Андрей имя ему»). Походу придана порочащая «психологическая» мотивировка в обычной югославянской манере: «Завистью разгореся и собрав вои от различных стран, окущашеся или на предъреченный град» — Новгород. Перед походом, — опять-таки по житийной югославянской традиции, — Андрею посыпается богом предостережение: болезнь. «Но ума ненаказанного никто же исцелити не възможе». Андрей Боголюбский сравнивается с лютым фараоном, его противник, Иоанн, объявляется мужем совершенным в добродетели. Описание осады заменено общей фразой, что осаждавшие «творяще елика обычнаа пленующемъ делати и гради разрушити». В трафаретном описании приступа («стрели якоже дождь», и пр.) Пахомий допускает явные анахронизмы, вводя в дело современную ему, только-что введенную в XV в., артиллерию («и громы каменных метаний»). Момент чуда прерывается лирическим восклицанием: «О чуднаго ти посещения, владычице! О неизреченной помоши твоей пречистаа! Кроме того, введены длинные речи-молитвы Иоанна, ответный «глас свыше» и т. д. За фак-

тическою частью изложения в Слове следовало традиционное «радование» богоматери, заканчивавшееся радованием Великому Новгороду: «радуйся и ты, Великий Новъград, сподобившия такового неизреченного таинства». Заканчивается Слово молитвой, трафаретные заключительные строки которой должны были звучать в обстановке половины XV в. особенно остро: молитва заключалась прошением об избавлении «града нашего» «от глада, губительства, труса и потопа и нашествия иноплеменников».

Кроме Похвального слова Знамению и службы Знамеанию, Пахомий в первый свой приезд в Новгород при Евфимии II написал службу Варлаamu Хутынскому, Похвальное слово ему же и житие Варлаама. По утверждению Пахомия, он пользовался при составлении жития устными рассказами монахов Хутынского монастыря, но на самом деле в фактической части жития лишь перифразировал вторую редакцию имевшегося уже перед тем жития, в прочей же части прибег к обычному своему «плетению глагол». Житие Варлаама Хутынского сохранилось в большом числе списков, что объясняется, однако, не столько литературными достоинствами труда Пахомия, сколько популярностью святого, имя которого символизировало времена могущества Новгородской республики.

## 2. Литература 50-х — 60-х годов XV в.

К концу 50-х годов XV в. перевес Москвы настолько определился, что представителям боярской партии в Новгороде приходилось думать уже не столько об открытой борьбе, сколько о политике отсрочки по существу неизбежного конца новгородской независимости. Растет и сочувствие демократических слоев населения Новгорода — Москве. Роль заступника и постоянного ходатая за Новгород перед московским великим князем принадлежит избранному, после смерти Евфимия II, архиепископу Ионе, искусно ведшему свою политику между крайностями литовской боярской партии и энергичным натиском Москвы.

Иона ознаменовал свое архиепископство целым рядом предприятий, клонившихся к закреплению мирных отношений с Москвою. Характерно, что, по позднейшей легенде, Ионе было в детстве предсказано архиепископство открытым сторонником московского великого князя Михаилом Клопским. В житии Ионы отмечено, что «московстии князи много любяхуть его и со благовением почитаху, и писания множицехо посылаху к нему, и от него восписания желания приемаху». Иона установил в Новгороде культ московского святого, Сергия Радонежского, построил ему церковь (1463), ездил в Москву, где слезно заступался за новгородцев перед великим князем.

При Ионе вторично приезжает в Новгород Пахомий Серб. Иона, как и Евфимий II, заказывает Пахомию различные церковные службы, но при этом, наряду со службами новгородским святым, заботится и о службах святым, имевшим общерусское значение. Из работ Пахомия этого периода сохранились службы Евфимию II (Великому), Антонию Печерскому, Савве Вишерскому. Особый интерес имеет заказанное Ионой Пахомию «Сказание о чуде преподобного Варлаама Хутынского» 1460 г.

«Чудо» это, случившееся в первый же год архиепископства Ионы, весьма симптоматично. Во время приезда в Новгород московского великого князя Василия Васильевича умер его постельничий Григорий Тумган. Привезенный ко гробу Варлаама постельничий якобы «воскрес». Так же как и открытие мошней архиепископа Иоанна при Евфимии II,

воскрешение постельничего московского великого князя у гроба новгородского святого не было случайным: новое чудо знаменовало собою перелом в новгородской политике, стояло в связи с поворотом в новгородской дипломатии, пытавшейся расположить к Новгороду великого князя. Заказывая описание этого чуда Пахомию Сербу, Иона имел в виду внушить московскому великому князю уважение к новгородским святыням, примирить его с Новгородом. Предназначенное для такой цели сказание написано в духе московских взглядов. Оно именует Василия Васильевича «благочестивым и благоверным, великим князем владимирским и московским и новгородским и всея Руси», а Новгород — «вотчиной» московского князя. Впоследствии при Феофиле, когда отношения Новгорода с Москвой вновь обострились, послушный исполнитель воли своих заказчиков — Пахомий Серб переделал свое произведение согласно с требованиями момента: пышное титулование московского великого князя было заменено более простым: «благочестивый великий князь», а место, в котором говорилось о Новгороде, как о вотчине великого князя, было опущено.

К эпохе Ионы и усиления московских тенденций в Новгороде относится житие яркого представителя московской партии в Новгороде — Михаила Клопского. Москвич по происхождению, свойственник московских великих князей, Михаил избрал местом своего монашеского пребывания небогатый новгородский Клопский монастырь, игумена которого Феодосия низы новгородского населения одно время избрали в архиепископы. Житие обильно рассказами о враждебном отношении монастыря к посадникам, к укрывавшемуся в Новгороде неудачному конкуренту московского великого князя, Дмитрию Шемяке, и, вместе с тем, это житие, в отличие от велеречивых и витийственных произведений Пахомия, выполнившего заказы боярской партии, носит демократический и просторечный характер со следами влияния фольклора. Ни имени автора, ни имени заказчика (если он только был) этого популярного жития не сохранилось.

Житие Михаила Клопского неоднократно подвергалось переработкам и дополнениям. Различные редакции жития отчетливо свидетельствуют о чрезвычайно изменчивых литературных вкусах новгородцев XV—XVI вв. Наиболее интересна первая редакция жития, возникшая, очевидно, сравнительно скоро после смерти Михаила Клопского в 1460-х годах, задолго до его официальной канонизации в XVI в. Первая редакция жития сохранилась в наибольшем количестве списков. Популярность ее, несомненно, объясняется простотой изложения и языка, занимательностью и доступностью повествования.

Оригинальна самая форма этого жития, представляющего собой соединение нескольких эпизодов — «чудес», но без традиционного описания детства святого и без традиционной заключительной похвалы святому. Эти «чудеса»-эпизоды представляют собою самостоятельные рассказы, легендарно-сказочного, а порою и жизненно-реального характера, заставляющего предполагать, что они сложились первоначально в устной традиции и лишь затем были обработаны в форме книжного повествования.

Целый ряд эпизодов жития хорошо передает атмосферу монастырского быта XV в. Таков, например, первый эпизод жития, рассказывающий о таинственном приходе в монастырь старца Михаила. Появление его происходит в ночь на Ивана Купала 23 июня. Старца принимают за «беса» (во 2-й редакции за «духа»). Очевидно остатки язычества, вера в Иванов день были сильны в XV в. даже в монастырях. Незнакомца заметил в своей келье поп Макарий. Незнакомец сидел на стуле, перед ним горела свеча, он переписывал деяния апостола Павла (плавание Пав-

ла). Поп, «уполошившися», вернулся в церковь, которую только что перед тем «покадив» покинул, и рассказал о незнакомце братии и игумену. Игумен взял крест и кадило и отправился с чернецами к келье. «Сенцы» оказались заперты. Посмотрели в окно в келью: незнакомый старец «сидит и пишет». Игумен сотворил молитву: «Господи Иисусе Христе сыне божий, помилуй нас грешных». Старец повторил ту же молитву. Игумен еще трижды сотворил молитву. Увидев, что молитва не смущает старца, игумен прямо спросил его: «Кто еси ты: человек или бес: что тебе имя?» Но старец и на этот раз ответил ему «теж речи»: «Человек ли еси или бес; что тебе имя». Игумен спросил его второй раз и третий, «а он против те же речи отвещает. И повеле Феодосий игумен у сенецъ верх содрать, а у кельи двери выломить». Затем игумен «почал по кельи темъяном кадити, да и старца кадить учаял, и он (т. е. старец) от темъяна закрывается, а крестом знаменается». Окадив старца, игумен еще раз спросил его: «Как к нам пришел, откуду еси, что еси за человек, что ти имя твое?» Старец же продолжал вторить как эхо: «Как еси к нам пришел, откуду еси, что твое имя». Тут «молвил», наконец, игумен чернецам «таково слово»: «Не бойтесь, старци, бог нам послал сего старца». Позвонили обедню, начали обедню петь, и старец «все обеденное петье пел» до конца и читал Апостола. Старца пригласили на трапезу «хлеба ясти», а затем игумен отвел его в келью: «Буди у нас, старче, живи с нами».

В этой живой сцене довольно много черт монастырского быта и реальных положений: «уполошившийся» поп, испуганные чернецы, принявшие в ночь накануне Ивана Купала позднего гостя за «беса», игумен, кадящий на старца темъяном, читающий над ним молитвы и тщетно спрашивающий его об имени.

Реальный, очевидно, в своей основе приход в Клопский монастырь Михаила, не хотевшего первоначально раскрывать своего происхождения, дополняется рядом чисто сказочных подробностей о том, как старец Михаил уклонялся от вопросов игумена, отвечая на них «тем же вопрошием», т. е. повторял обращенные к нему вопросы и предлагал на них ответить самому «вопрошающему». Повторение вопросов игумена вносит в этот первый из рассказов-«чудес» известную ритмичность композиции, напоминающую эпические повторения былинного и сказочного характера.

Черты реальности живо переданы и в другом эпизоде жития: о раздоре монастыря с посадником Григорием Кирилловичем. Посадник Григорий явился однажды в монастырь к обедне и, удержав игумена, когда тот, отпев обедню, собирался уходить из церкви, заявил ему «таково слово»: «не пускай ни коней, ни коров на жары (поля под паром), то земля моя, ни по реки по Веряжи, ни по болотам, ни под двором моим не ловити. А почнете ловити, и аз ловцам вашим велю ноги и руки перебити». Вмешался Михаил и сказал посаднику: «будеши без рук и без ног, мало в воде не утонеши». Когда ловцы волокли тоню, посадник «пощел к ним к реки, да и в реку за ними сам сугнав, да ударил рукою, да хотел другои ряд — так мимо ударил да пал в воду, мало не утонул». Посадника вытащили из воды с парализованными руками и ногами. Все, следовательно, случилось по слову святого.

Отдельные эпизоды-чудеса объединены между собою только личностью Михаила Клопского. Характер его раскрывается в эпизодах довольно цельно. Он строг, не боится посадников и князей, говорит правду в лицо, резок, практичен и по своему остроумен. В чудесах святого нет элементов мистической экзальтации. Чудесные деяния его осуществляются не вследствие молитвенной связи с богом, а по типу исполнения желаний

героев сказок. Они показывают глубину его ума и остроту предвидения. Князю Константину Дмитриевичу, отправившемуся в Москву добывать себе великокняжеский стол, не сочувствовавший ему Михаил предрек скорую смерть: «земля вопиет», — повторяет он ему несколько раз. Посаднику Григорию, лишившемуся употребления рук и ног за покушение на монастырские ловли и просившему святого помолиться за него, Михаил раздраженно отвечает: «Молим бога о всем миру, не токмо о Григорьи. Поездишь по монастырем, попросишь у бога милости».

Во всех этих эпизодах-чудесах Михаил действует не под влиянием мистической экзальтации, а как политик, сильный и практичный человек. Михаил защищает экономические интересы монастыря, придерживается демократической московской партии. Одно из посмертных чудес Михаила — эпизод с купцом Марковым — свидетельствует об участии Михаила в торговле. Марков, молясь Михаилу, вспоминает, что последний был ему «помощник при животи» (при жизни).

Таким образом, житие Михаила Клопского рисует образ одного из тех монастырских деятелей, на энергии и предприимчивости которых основывалась экономическая и культурная мощь новгородских монастырей.

Стиль жития прост и близок к народному творчеству.

В житии встречаются следы рифмы: «а он (Михаил) от темьяна закрывается, крестом знаменается», «а почнете ловити, и аз лсвцам вашим велю ноги и руки перебити» и др. Некоторые из употребляемых в житии (в 1-й и 2-й редакциях) выражений приближаются по своему характеру к обычным формулам народного творчества. Например: «и молвит князь таково слово», «и рече посадник игумену таково слово», «Феодосии млъви старцам таково слово». Встречаются в житии и народные выражения, часто поговорочного характера: «хлеб, осподо, да соль», «что твоа, чадо, за дума, ездишь думаешь ж жоньками», «тяжкий сон сломить», «собрашееся мног множество», «а мы, доколе свет стоит, и за тебя бога молим», «не весел изо обители тоя изыде» и др.

В языке жития довольно много просторечных ласкателевых и уменьшительных выражений: *Михаилушко*, *сенцы*, *детки*, *ジョンки*, *сынко* и др. Отдельные обороты прямо воспроизводят обычную разговорную речь: «и он (Михаил) ширинку дерг из рук вон у владыки — да на главу владыки», или «а Михаило жил себе в животе своем в келии един». Некоторые из этих оборотов отличаются большой образностью и живостью.

Книжность жития сказалась по преимуществу в сюжетах чудес. В легендарно-житийной традиции довольно обычны и послушный святому зверь (в житии Михаила Клопского — олень, который шел за Михаилом на похоронах игумена), и появление в монастыре разбойников, которых смиряет своею кротостью святой, и неиссякаемые житницы монастыря, из которых святой кормит во время голода всех приходящих в монастырь за милостыней.

Ко времени архиепископства Ионы относится любопытная по своей тенденции повесть о посаднике Щиле. Иона стремился укрепить права новгородской церкви на владение имуществом — особенно землями, которыми по преимуществу были богаты новгородские монастыри. Иона добился в Москве у великого князя особых грамот, подтверждавших земельные права близкого ему Отенского монастыря. Эти заботы Ионы об укреплении церковной собственности стоят, очевидно, в связи с различными еретическими и вольнодумными теориями в Новгороде о «поставлении на мзде» священников и о церковных владениях, отрицание которых получило затем энергичный отклик в русской литературе XVI в. Из

жития Михаила Клопского известно, кроме того, что на монастырские владения посягали иной раз и сами посадники. В связи с защитой прав церкви на собственность, на вклады «по душе» (т. е. вклады на молитвы о спасении души умершего) стоит повесть 50—60-х годов о посаднике Щиле.

Легенда о Щиле, возникшая из каких-то устных преданий XIV в., была обработана при архиепископе Ионе неизвестным повествователем в публицистических целях. Предания о Щиле создались вокруг реального монаха Щила, известного из летописи, где он назван под 1310 г. как строитель в окрестностях Новгорода церкви Покрова. Повесть отнесла, однако, действие к более раннему времени популярного архиепископа Иоанна и передела монаха Щила в посадника, что более соответствовало публицистической направленности повести.

Повесть рассказывает, как посадник Щил занимался ростовщичеством, давая капитал в рост из весьма небольшого процента: «на 14 гро-  
вен и 4 денги точиу по единой денге на год (т. е.  $\frac{1}{2}$  процента в год),  
боле же того отнюдь не имаше». Собрав «имения многое множество»,  
Щил решил построить церковь и испросил на то благословение у архи-  
епископа. Когда церковь была готова, Иоанн отказался ее освящать, как  
созданную на деньги «от лихвенного собрания». По повелению Иоанна,  
чтобы замолить грех ростовщичества, Щил надевает саван, ложится в  
гроб и велит себя отпевать. Когда отпевание окончилось, гроб с Щилом  
неожиданно проваливается, а на месте его образуется пропасть. Иоанн,  
придя на утро для освящения церкви и увидев в ней пропасть, ужаснулся,  
велел на стене написать «вапы», изображающие Щила в аду, а не-  
освященную церковь запечатал. Сыну Щила Иоанн велит «дати священ-  
ником с причетники довольно», чтобы они пели 40 дней сорокоусты у  
40 церквей. Через 40 дней Иоанн тайно послал своего архидиакона по-  
смотреть в запечатанную церковь на изображение Щила. Архидиакон  
увидел «Щила во аде во гробе — главу же его вне ада». Тогда Иоанн  
снова велит сыну Щила служить 40 дней. Через вторые 40 дней Щил на  
изображении оказался в аду лишь до пояса. После третьих 40 дней Щил  
на изображении вышел из ада, и гроб с его телом нашли на поверхности  
земли, а пропасть закрылась (в другом варианте постепенно поднимается  
из пропасти и сам гроб Щила).

Повесть, таким образом, стремилась наглядно, в зрительных обра-  
зах доказать спасительность заупокойной молитвы, которую отрицали  
стригольники.

Иллюстративность и простота дидактического элемента и антирос-  
товщические тенденции повести послужили поводом для широкого проник-  
новения ее в лубочную литературу XVII в. и в иллюстрированные ру-  
кописи XVII в.

Существует предположение, что легенда о Щиле обязана своим воз-  
никновением каким-то изображениям, якобы существовавшим в церкви,  
построенной Щилом. Против этого говорит то, что в повести упоминает-  
ся лишь о «вапах», т. е. о такого рода живописи (восковыми красками),  
которая в Новгороде никогда не употреблялась и была известна лишь по  
литературным источникам.

